

Научная статья
УДК 327:001.891
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/73-84>

О холистическом подходе в теории международных отношений

Татьяна Александровна Алексеева

Московский государственный институт международных отношений МИД РФ, Москва, Россия, ataleks@mail.ru

Александр Петрович Минеев

Московский государственный институт международных отношений МИД РФ, Москва, Россия, mineyev@list.ru

Аннотация. Отталкиваясь от явления оптической голографии, обсуждается онтологическая проблема "целое–части" применительно к теории международных отношений. Делается попытка переосмысления устоявшегося в ТМО взгляда, подразумевающего под "целым" совокупность "частей" – суверенных государств. Рассмотрены "кейсы" этнической и религиозной составляющих в современных политических процессах. Делается предположение, что "целое" в ТМО раскрывается тем или иным наблюдателем и / или способом лишь частично – в меру оснащённости определённым культурным тезаурусом, что, в свою очередь, указывает на необходимость межкультурного диалога и его ключевой роли в сборке и постижении "целого", по-видимому, принципиально недоступных отдельным субъектам международных отношений в отсутствие диалога между ними.

Ключевые слова: *проблема "целое–части", голография, холизм, скрытый порядок, межкультурный диалог*

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-01045, <https://rscf.ru/project/23-18-01045>

Для цитирования: Алексеева Т. А., Минеев А. П. О холистическом подходе в теории международных отношений // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 73–84.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/73-84>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/73-84>

On the Holistic Approach in the Theory of International Relations

Tatyana A. Alekseeva

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, ataleks@mail.ru

Alexander P. Mineyev

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, mineyev@list.ru

Abstract. Based on the phenomenon of optical holography, the ontological problem of the "whole-part" is discussed in relation to the theory of international relations. An attempt is made to rethink the established view in the IR theory, which implies by the "whole" a set of "parts" – sovereign states. The "cases" of ethnic and religious components in modern political processes are considered. An assumption is made that the "whole" in the IR theory is revealed by this or that observer and/or method only partially – to the extent of being equipped with a certain cultural thesaurus. This, in turn, indicates the need for intercultural dialogue and its key role in the assembly and comprehension of the "whole", which are inaccessible to the subjects of international relations separately – in the absence of dialogue.

Key words: *whole-part problem, holography, holism, implicate order, intercultural dialogue*

The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant № 23-18-01045, <https://rscf.ru/project/23-18-01045>

For citation: Alekseeva T. A., Mineyev A. P. On the Holistic Approach in the Theory of International Relations // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 73–84.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/73-84>

Введение

Изначальным импульсом к написанию предлагаемой статьи послужила работа Пэн Чэнсиня [15], опубликованная в специальном выпуске *Европейского журнала международных отношений*, посвященном 25-летию этого издания. Представленные в этом выпуске статьи, согласно анонсированному редакцией девизу, объединял акцент на междисциплинарные аспекты ТМО. В это же время и ряд наших публикаций был сосредоточен на этих аспектах, а точнее – на тех переосмыслениях ТМО, которые представляются необходимыми в связи с кардинальными изменениями в "картине мира", произошедшими вследствие революционного развития физики (в частности, квантовой механики) за последнее столетие [3; 4; 5]. О стремительно нарастающем исследовательском интересе к квантово-механическим концепциям применительно

к ТМО свидетельствует и недавно изданный в Оксфорде сборник статей под редакцией Дж. дер Дериана и А. Вендта [16]. Эти и ряд других публикаций дают основания говорить о "квантовом повороте" (и даже о "перманентно происходящей квантовой революции" [12]) в теории международных отношений, который в работе [15] сопоставляется (а в определенном смысле противопоставляется) с так называемым "реляционным поворотом".

Суть последнего Пэн Чэнсинь определяет формулой: фундаментальная реальность – это не независимые вещи, но – отношения (*the fundamental reality is not independent things, but relations*) [15, с. 15]. Очевидно, более или менее расширенное толкование столь лаконичного утверждения неизбежно уводит на необозримые просторы онтологической дискуссии, уходящей корнями в глубокую античность. Но, если всё же попытаться найти прикладной смысл фундаментального главенства "отношений" над "независимыми вещами" в контексте МО, то вполне приемлемо в качестве "нулевого приближения" сказать: то, что привычно принято считать субъектами МО (государства, международные союзы и блоки), – вовсе не "независимые твердые бильярдные шары", взаимодействующие между собой по определенным законам и тем самым рисуящие мировую картину международных отношений, а всего лишь продукты, производные отношений, при том – не только международных в принятом смысле этого слова. Эволюционируя по присущим им законам, которые ещё только предстоит постичь (как, впрочем, и дать строгое определение самой реляционности [12; 15]), эти отношения формируют переменчивый узор мировой политики.

Но в таком случае может возникнуть соблазн утверждать, что "отношения" предшествуют "вещам", в то время как здравый смысл подсказывает, что отношения существуют всё-таки между вещами и потому не могут не испытывать обратного воздействия на себя со стороны последних.

Пэн Чэнсинь усматривает в такой постановке проблемы полную аналогию с неразрешаемой дилеммой "яйцо–курица" и предлагает выйти из создавшегося затруднения при помощи привлечения к рассмотрению явления голографии, где соотношение частей и целого наглядно демонстрируют их неразрывность и тем самым, по мнению автора работы [15], дают ключ к более глубокому онтологическому пониманию природы взаимопроникновения "вещей" и "отношений", в том числе и применительно к ТМО.

В настоящей статье мы хотели бы проанализировать некоторые положения, содержащиеся в работе Пэн Чэнсиня, не ограничиваясь при этом лишь указанием на ряд слабых мест в основополагающих посылах предпринятого им исследования, но, скорректировав и упрочив их, попытаться уточнить и развить предложенные автором работы [15] идеи о применении подсказанных современной физикой онтологических основ к теории международных отношений.

Начать следует с того, что термин "квантовая голография" (*quantum holography*), используемый в работе [15] в качестве ключевого, если не сказать – опорного, как минимум, не релевантен, поскольку явление голографии описывается в рамках чисто классической физики [13], а именно – теорий Френеля и Фурье, созданных в первой трети XIX в., когда о квантовой механике не было и слуху. Другое дело, что широкое применение голографии стало возможным лишь с изобретением лазеров (которые иначе называются оптическими квантовыми генераторами), способных обеспечить высокую монохроматичность излучения – необходимого условия получения голограмм высокого качества. Так что голография связана с квантовой физикой скорее технологически – через использование лазеров, основанных в своём устройстве на квантовых эффектах.

В то же время имеется ещё одна сторона этой опосредованности, которую можно обозначить как онтологическую. Дело в том, что сам феномен голографии разрушает статус строго определенной локализации в пространстве и времени субъектов физического взаимодействия, что подсказывает и вовсе эпатирующее здравый смысл направление онтологических размышлений, а именно указание на некое *пре-пространство* (*pre-space*), в котором отсутствуют категории как координат, так и времени, но они, тем не менее, проявляются в нашем привычном мире благодаря непрерывному процессу сворачивания явного порядка (*enfolding of explicated order*) – в неявный, скрытый

(*implicated*) и непрерывного "встречного" разворачивания (*unfolding*). Процессов, в совокупности определяемых как голодвижение (*holomovement*) [10; 14, с. 20–21].

Перечисленный понятийный набор был введён в научный обиход физиком Дэвидом Бомом и получил законченное концептуальное оформление в ставшей широко известной книге, написанной им в соавторстве с Бэзилем Хайли "*Неразделенная вселенная: онтологическая интерпретация квантовой теории*" [11].

Пэн Чэнсинь сполна опирается в своей работе [15] на терминологию Бома, чтобы обосновать присутствие голографических черт в контексте ТМО. Однако, по нашему мнению, делает это не всегда достаточно убедительно. Тем не менее, нам представляется важной попытка автора работы [15] связать фундаментальные онтологические идеи учения Бома с задачами, стоящими перед теорией международных отношений.

Явление голографии: краткое повторение и онтологические перспективы

Слово "голография" сегодня уже привычно ассоциируется со способом получать объёмное изображение объекта, которое нередко именуют голограммой. Между тем, если первое требует уточнения: "далеко не единственного способа", то второе просто неверно, поскольку голограмма – не изображение объекта, а некоторый, мало что говорящий наблюдателю узор штрихов, который может быть превращён в изображение объекта лишь при помощи так называемого реконструирующего луча.

Сам же "узор" представляет собой интерференционную картину от наложения двух других лучей – объектного и опорного. Это две идентичные половины исходного луча, разделенного полупрозрачным зеркалом, так что один из лучей, отражаясь от объекта, направляется на экран, а второй – поступает туда в своём первоначальном виде. В результате в каждой точке экрана, в качестве которого обычно используется фотопластинка, световые волны двух лучей либо усиливают друг друга (в случае совпадения или близости их фаз), либо – ослабляют (вплоть до нуля), когда оказываются в данной точке в противофазе. Таким образом, на проявленной фотопластинке – голограмме – тёмные участки будут чередоваться со светлыми. Для получения объёмного голографического изображения объекта этот узор необходимо осветить реконструирующим лучом той же длины волны, что и объектный, и опорный.

При этом реконструкция изображения объекта может быть осуществлена при освещении *любого* участка голограммы: если фотопластинка разобьётся, мы сможем получить изображение объекта, освещая реконструирующим лучом *любой* из осколков.

Не удивительно, что столь наглядный физический эффект инициировал творческую активность исследователей, размышлявших о проблеме "целое–части" в её социологическом измерении, в частности, в контексте международных отношений. Склонности оттолкнуться в научных построениях от феноменологической аналогии не обошёл и такого мэтра ТМО, как известного конструктивиста А. Вендта, утверждающего, что государство – это голограмма, в которой части-граждане неразрывно связаны воедино при помощи общего языка, и что такой концептуальный подход содержит в себе мощный потенциал для понимания неисследованной пока природы международных отношений [18 с. 271]. Пэн Чэнсинь, следуя в фарватере мысли Вендта, распространяет эту аналогию на международное сообщество, приписывая ему роль "целого", голографически связанного с "частями" – отдельными государствами [15].

Вполне допуская перспективность подобного ассоциативного направления исследований в ТМО, мы все же предлагаем прежде внимательно взглянуть на проблему "целое–части", оставаясь поначалу в рамках явления оптической голографии как такового и лишь затем пытаться рассматривать возможные азимуты распространения голографического подхода к иным феноменам, в том числе – социальным.

Итак, в отличие от обычной фотографии, которая, как известно, даёт поточечное изображение объекта съёмки, голография считывает объект целиком, кодируя информацию о нём в виде интерференционной картины (голограммы), не имеющей с нашим зрительным восприятием объекта ничего

общего, и лишь затем расшифровывает её при помощи реконструирующего луча – восстанавливает до узнаваемого изображения. Попробуем разобраться, что в этой череде преобразований играет роль "целого", а что – "частей".

В качестве пробного шага представляется резонным отвести роль "целого" *изображению* объекта. Тогда при рассмотрении обычной фотографии ответ на поставленный вопрос достаточно очевиден: "целое" будет слагаться из его отдельных фрагментов, независимо от способа фрагментации: по каким бы случайным линиям ни разорвать фотографию, мы можем восстановить изображение, аккуратно сложив обрывки, т.е. "целое" окажется суммой "частей".

Иное дело голография. Здесь, говоря об изображении объекта как о "целом", необходимо будет уточнить, что мы имеем в виду под *изображением* – зримый и узнаваемый результат действия реконструирующего луча или хитросплетение штрихов интерференционного узора на фотопластинке. В первом случае нас безусловно будет смущать упомянутое выше свойство получать изображение *всего* объекта на основе любого из осколков (участков) фотопластинки. Здравый смысл, кажется, должен будет отказаться от такого "целого", реконструированного из произвольно выбранного фрагмента промежуточного продукта – ведь это всего лишь фрагмент и, значит, при его формировании исходная целостность должна быть хотя бы отчасти утрачена. Но коль скоро при освещении *фрагмента* голограммы реконструирующим лучом изображение объекта *целиком* всё-таки узнаваемо проявляется, остаётся предположить, что оно не содержит информационной полноты, закодированной не в отдельных её участках, а лишь во *всей* голограмме. Однако, приняв последнюю за "целое", мы неизбежно испытаем трудности, попытавшись разделить его на "части", ведь из вышесказанного вытекает, что всякая из них в своем происхождении будет содержать информацию, собранную со *всей* площади исходного объекта. И где тогда проходит черта сущностно отделяющая такое "целое" от его частей?

Таким образом, разбираясь в проблеме "целое-части" в её голографическом контексте, целесообразнее принять за "целое" именно голограмму – интерференционный узор, возникающий при наложении объектного и опорного лучей на *всей* площади экрана, т.е. взятый *целиком*, без изъятия хоть малейшего его фрагмента.

Но, как следует из изложенного выше, выбор того или иного набора "частей" голограммы потребует определенного обоснования в отличие, скажем, от разборки часового механизма на отдельные шестеренки и пружинки, которые самими своим структурно-функциональным содержанием подсказывают, что именно они являются "частями целого". Их нетрудно пересчитать, в отличие от "частей" голограммы, множество которых несчётно. Действительно, выбирая какой-либо фрагмент, мы можем затем мысленно "подвинуть" его в любую сторону и на любую (в пределах экрана) дистанцию и вновь обретём информацию, необходимую для воспроизведения изображения исходного объекта. Понятно, что таких "смещений", как и случайных очертаний и месторасположений начального, наугад выбранного фрагмента, мы можем произвести в несчётном количестве вариантов. Но главное различие в том, что "целое" голограммы *присутствует в каждой* из своих частей, как бы мы их ни выделили из этого "целого", а "целое" часов – ни в одной.

Тут, правда, следует сделать важную оговорку, касающуюся самого существа холизма. Что мы пытаемся вложить в утверждение "целое – главное, важнее, фундаментальнее своих частей"? Что оно предшествует им – то ли хронологически, то ли как-то сущностно, если угодно – "конституционно"? Что оно неразрывно с ними, неотделимо от них? Нетрудно видеть, что, пытаясь ответить на эти вопросы, нам следует постоянно оглядываться на принимаемые определения "целого" и "частей", по необходимости уточняя их.

Так, например, если под часовым механизмом мы подразумеваем "целое", то вряд ли станем настаивать на его хронологическом предшествовании частям-шестерёнкам: представляется достаточно очевидным, что прежде чем собрать часы, надо изготовить детали. Но, если "целое" это – *замысел* механизма, точно определяющего время, то и изготовление *каждой* шестерёнки потребует точного соответствия этому замыслу, и, значит, "целое" часов в этом смысле действительно будет хронологически предшествовать его "частям".

Пэн Чэнсинь, пытаясь по его собственному выражению "заполнить концептуальный пробел" между голографией и международными отношениями, тем не менее, избегает точного определения "целого" в МО, подразумевая под ним то международное сообщество в расхожем смысле этого словосочетания, то дополняя его экологической составляющей, то говоря о некоей, не постигнутой пока до конца целостности, включающей по умолчанию буквально всё на свете.

В настоящей статье мы хотели бы несколько аккуратнее исследовать саму правомерность, а значит и потенциальную плодотворность холистического подхода к ТМО, с тем, чтобы попытаться обозначить возможные азимуты его дальнейшей применимости.

Холизм в международных отношениях

Первое, что хотелось бы обсудить, это постоянно присутствующий в работе [15] соблазн уподобить политическую карту мира голограмме в том смысле, что всякая страна ("часть") несёт в себе черты мирового – "целого". Однако, во-первых, далеко не всякое государство (в отличие от *любого* участка голограммы) полновесно и равновелико предъявляет *все* черты "целого". Скажем, изобразительное искусство исламских государств не может дать нам полного представления о мировой живописи в силу коранического запрета изображать людей и животных. Во-вторых, сам по себе выбор государств как "частей" не может считаться *a priori* бесспорным, он скорее сродни не голограмме, а шестерёнкам часового механизма, предопределяющим структуру "целого". В-третьих, если сворачивание "целого" в "части" (*enfolding* по Бому) при формировании голограммы происходит одинаковым для *всех* её участков способом, то вряд ли можно утверждать, что подобное единообразие механизмов имеет место при проекции общемирового устройства на отдельные участки политической карты мира.

Мы полагаем, что более обстоятельное обдумывание приведенных возражений сможет указать на иные основания приложимости холистических идей к теории международных отношений.

Выше на примере механических часов мы отмечали определенную зависимость конечных умозаключений от начального приписывания свойств частей и целого тем или иным сущностям. Вернёмся к этому рассмотрению и представим себе, что, приняв за "целое" часов циферблат, мы руками подвигнем минутную стрелку к некоторому выбранному положению. При этом мы обнаружим, что и часовая стрелка будет вращаться в том же направлении. Одной из гипотез, объясняющих наблюдаемое явление, будет предположение, что под видимым циферблатом скрыто нечто, сцепляющее стрелки каким-то замедляющим ход часовой стрелки по отношению к минутной способом. Но ещё до того, как заглянуть под крышку часов, чтобы разобраться в природе такого сцепления, можно будет сделать чисто феноменологический вывод: всякому положению минутной стрелки соответствует лишь двенадцать положений часовой – в одинаковой пропорции, делящим промежуток между цифрами циферблата. Иными словами, "целое" не есть простая, по нашему произвольному выбору композиция автономных частей, но – нечто иное, взаимосвязанное с ними какими-то скрытыми законами.

Если мы теперь заглянем под крышку часов, то наши онтологические выводы будут несколько иными, если не сказать противоположными: целое вполне объяснимо взаимодействием автономных частей – механических деталей, – и взаимозависимость их движения может быть строго описана причинно-следственными цепочками. Иначе говоря, целое будет сводимо к своим недвусмысленно определенным отдельным частям.

Этот пример может служить наглядной (пусть и несколько грубоватой) иллюстрацией противопоставления двух мировоззрений: холизма и редукционизма.

Последний подразумевает следующее: отыщите части, откройте законы, по которым они взаимодействуют, и вы получите полную и предсказуемую (детерминированную) картину целого. Принципиальных ограничений в познании мира здесь нет, лишь – технические, связанные с усложнением по

мере увеличения количества частей. Такой подход принято ещё обобщенно обозначать как ньютонианство¹.

Холизм, в свою очередь, как учение, постулирующее первичность, главенство целого по отношению к частям, размывает контуры самого понятия "части", поскольку отныне они становятся не строго очерченными, автономными сущностями, но зависимыми от состояния целого и, следовательно, от – совокупного состояния их самих. Возрождению холизма как онтологии в решающей степени послужила квантовая теория, особенно рельефно и артикулировано проявленная в этом измерении Д. Бомом [9]. В учении Бома фундаментальную роль играет так называемый *скрытый порядок* (*implicate order*), который содержит множество равнозначимых ипостасей, но проявляется в виде *явного порядка* (*explicate order*), доступного для наблюдения (измерения), лишь в одной из них – круциально зависящей от "ракурса" наблюдения и / или инструмента, прибора измерения.

В нашем примере с часами можно сказать, что неделимое целое это – совокупно и циферблат, стрелками показывающий время, и весь ансамбль шестерёнок, собранных в движущийся механизм. Последний для наблюдателя, смотрящего на циферблат и наблюдающего *явный порядок* в виде расположения стрелок, представляет собой одну из составляющих *скрытого порядка* – наряду с конструкторским замыслом, технологическим процессом изготовления деталей и механизмом передачи вращения шестерёнок во вращение стрелок, которое и видит наблюдатель. Но *онтологически* неделимое целое это – вся совокупность перечисленных и, возможно, упущенных из перечисления составляющих скрытого порядка. Для наблюдателя, заглянувшего под крышку часов, *явным порядком* будет представляться картина сцепленных между собой шестерёнок передающих вращение друг другу. А скрытым – тот же набор, что и для наблюдателя циферблата.

Иначе говоря, *скрытый порядок* и есть *целое*. При этом, называя его составляющие, мы никогда не можем быть уверенными в полноте перечня и, значит, в полном понимании того, как *части* соотносятся с *целым*? В ньютонианском подходе определение частей и полнота их набора представляются довольно очевидными. Принимая холистический подход, мы вынуждены давать определение его частям, формулировать критерии, признаки, обеспечивающие обоснование самого понятия *часть*, а значит, через него и – уточнение понятия *целого*.

Невольно могут возникнуть сомнения в самой востребованности идеологии холизма – ведь в рамках ньютонианского редукционизма (атомизма) мы прекрасно можем понимать, конструировать и даже предсказывать не только ход часов, но и великое множество иных вещей, объясняющих окружающую действительность. Вот и в теории международных отношений мы как будто отыскивали "атомы"-государства, *части*, из которых состоит *целое* – "международное сообщество". Осталось только установить и / или уточнить законы их взаимодействия и мы получим стройную науку, способную объяснить, предсказать и даже регулировать мировое общежитие в его *целом*, т.е., по принятому умолчанию – в совокупности отношений между государствами-*частями*.

Всё бы так, но призрак холизма уже воплотился в мощную силу, которая разрушает ньютонианство не только на поле естественных наук [11], но всё заметнее вторгается в общемировоззренческую сферу (см., напр., [17]), обещая кардинальное переосмысление наших сложившихся было представлений.

Мы хотели бы здесь поделить рядом соображений и примеров, которые, на наш взгляд, дают основания для холистического подхода к ТМО. Мы полагаем, что подобные рассуждения могут содержать в себе определённый потенциал дальнейшего углубления и расширения трактовки проблемы *целое-части* в контексте ТМО.

Два кейса в пользу холистического подхода к международным отношениям

Начать хотелось бы с довольно щекотливого примера, обнаруживавшего одну из потенциальных угроз прочности конструкции Евросоюза. Речь идёт о

¹ О глубоком влиянии ньютонианства на европейскую философию, культуру, не говоря уже о технической цивилизации, см., напр., [17].

появлении В. Орбана на футбольном матче Венгрия–Греция в ноябре 2022 г. в шарфе, на котором карта Венгрии была представлена в границах, охватывающих территории, входящие в состав четырёх государств-членов ЕС и ещё двух стран, находящихся в процессе евроинтеграции. Оставляя скандальность этого демарша дипломатам и журналистам (чья профессиональная реакция не замедлила проявиться [7]), попытаемся взглянуть на шарф Орбана в контексте наших размышлений о целом и частях в международных отношениях.

На первый взгляд можно утверждать, что прослеживается стремление пересмотреть конфигурацию государств-членов внутри ЕС, не затрагивая внешние очертания самого Союза. Однако, ряд обстоятельств заставляет усомниться в такой трактовке.

Так, территориальная претензия на Трансильванию естественно вызывает протест со стороны Румынии, которая, тем не менее, всё чаще напоминает про "исторические основания" принадлежности ей Бессарабии (территория, ныне входящая в Молдову и в Украину) и Северной Буковины (Черновицкой области Украины), что с очевидностью расширяет контекст проблемы в направлении России.

Кроме этого, охват границами Венгрии на шарфе Орбана Воеводины, не может не напомнить, что этот автономный край Сербии в СФРЮ имел тот же статус, что и Косово – со всеми возникающими при этом геополитическими ассоциациями.

Можно также отметить, что Венгрия состоит членом Всемирного Конгресса финно-угорских и самодийских народов, куда входят и коренные народы более десятка субъектов РФ. Причём "угорская фракция" этой международной организации состоит всего из трёх народов, дополнительно солидаризированных общей субэтничностью: венгров, манси и хантов [1]. И как тут не вспомнить об удельном весе в экономическом потенциале РФ, которым обладает Ханты-Мансийский автономный округ – Югра.

Приведённый пример демонстрирует своего рода неполноту подхода, в котором роль частей целиком отведена государствам, а целого – их ограниченной определённым числом совокупности – в данном случае ЕС и двух интегрирующихся в него стран. "Целое" при ближайшем рассмотрении оказывается больше изначально предполагавшегося – не только по количеству "частей", но и по их субъектности.

Для нашего рассмотрения здесь важно отметить, что характерная для ньютоновства модель однородных бильярдных шаров становится небесспорной, т.к. отчётливо проявляется зависимость общей картины от эндогенных факторов – от внутреннего "состава" шаров. Можно сказать, что ситуация запутывается в своего рода не расплетаемую конфигурацию: всякая трансформация "внешней" диспозиции влечёт за собой изменения внутренних балансов взаимодействующих участников. И наоборот: "целое" становится онтологически неотделимым от "частей".

Тут уместно вспомнить, что сходный кризис размышлений возник в ходе становления квантовой механики, которой мы обязаны возрождением холизма как фундаментальной онтологической основы миропонимания [11, 17]. Упомянутая выше запутанность получила в квантовой теории устойчивый терминологический статус (*entanglement*), означающим, в частности, принципиальную невозможность изменить что-либо в какой бы то ни было из частей системы, не нарушив состояний всех остальных.

Скрытый порядок (*implicate order*) – категория, введенная Д. Бомом для кодификации холизма [11], его фундаментальной всеохватности требует, тем не менее, определенной конкретизации всякий раз, когда мы хотим прояснить, каким именно образом предполагаемая вселенская целостность скрытого порядка проявляется в тех или иных ипостасях явного (*explicate*) порядка. Подобное требование, по-видимому, должно возникать и в ходе попыток описывать международные отношения в рамках гипотезы о скрытом порядке.

Следующий пример, возможно, указывает на ещё один механизм запутывания частей в неразделяемое "целое" международных отношений.

Речь пойдёт о протестах российских мусульман по поводу событий в Мьянме в августе–сентябре 2017 г. [8]. Как и в предыдущем примере мы постараемся сосредоточиться в нашем рассмотрении не столько на действиях

и высказываниях отдельных политиков, сколько на том *скрытом порядке*, который рельефно проявился в результате этих действий и высказываний. Напомним лишь, что власти Мьянмы, страны, где большинство составляют буддисты, прибегли к насильственным мерам в отношении мусульманского меньшинства. В ответ в Грозном был проведен миллионный митинг. На состоявшейся накануне акции протеста у посольства Мьянмы в Москве звучали обещания джихада и призыв: "Начнём с Калмыкии!" [8]. (Как известно, традиционная религия калмыков – буддизм, а Республика Калмыкия граничит на юго-западе с Республикой Дагестан, где подавляющее большинство исповедует ислам).

Если в первом случае развитие возможного конфликта локализовано вдоль единственной – этнической – координаты, то во втором – ситуация становится не столь однозначной, а пространство конфликта не столь одномерным. В него потенциально могут оказаться вовлеченными миллиарды людей (именно таков порядок совокупной численности мусульман и буддистов в мире) во многих десятках стран.

Отмечая многомерный и поистине глобальный характер скрытого порядка международных отношений, обнаруживаемый во втором примере, мы хотели бы несколько подробнее остановиться на природе той целостности, которая, возможно, и лежит в основе этого порядка, тем самым оправдывая холистический подход к ТМО.

В то время как демарш В. Орбана можно рассматривать как буквальную иллюстрацию десятой главы – "Перепись, карта, музей" – знаменитой книги Б. Андерсона "Воображаемые сообщества" [6], когда манипулятивные действия с помощью отработанных политтехнологий внушают ту или иную идентичность фактически "с чистого листа", апелляция к принадлежности к определённой религии предполагает сакрально освящённую культурно-психологическую традицию, сложившиеся навыки восприятия органичной в своей полноте конструкции образов и идей. Несколько огрублённо это можно уподобить радиовещанию, когда посылаемый сигнал обладает той же частотой (длиной волны), что и собственная частота приёмника. Возникающий резонанс и его отсутствие с сигналами иной длины волны, предопределяют иллюзию единственности и непреложной истины исключительно данного сигнала. Вспомним, к слову, что и голографическое изображение становится возможным лишь при использовании реконструирующего луча той же длины волны, что и – опорного и объектных лучей, *когерентного* с ними.

Развивая предложенную метафору, мы хотели бы ввести понятие *культурной когерентности*, которое, как нам представляется, может оказаться плодотворным в понимании причин и механизмов выбора того или иного решения в международных отношениях. На этой стадии нашего собственного понимания нам представляется уместным начать рассмотрение при помощи следующего примера.

Старуха и девушка: видимая и скрытая реальности. Роль межкультурного диалога

Хотелось бы начать с цитаты: "Как мы узнаём то, что знаем? И вообще, что такое знание? Но тогда что же такое *реальность*? <...> Или, иначе: *поллагаем ли мы знание как абсолютное, не зависящее от познающего, т.е., свяzano оно с соответствующей сферой внешней реальности; или же, наоборот, рассматриваем его как некий опыт того, кто исследует мир?*" [2, с. 566].

Надо сразу признать, что определённого ответа до сих пор не получено: между сторонниками и противниками обозначенной альтернативы не утихают ожесточённые споры. Очевидно потому, что придумать тест, который обеспечил бы эмпирическую верификацию одной из оппонирующих позиций представляется весьма затруднительным, если не невозможным. Иными словами, вопрос этот следует отнести к метанаучной или метафизической сфере, в противоположность чисто научной или физической, предполагающей в своём арсенале средства экспериментальной проверки той или иной гипотезы. Напомним: префикс *мета-* означает "более всеобъемлющий, превосходящий".

В то же время, хотя научный подход, кажется, не пригоден для того, чтобы окончательно исключить из мыслительного обихода ту или иную метафизическую парадигму, история науки знает немало примеров, когда её дости-

Рис. 1. Картина "Девушка или Старуха?".

Fig. 1. Optical illusion "My Wife and My Mother-in-Law".

Источник: архив авторов.

Source: authors archive.

жения исподволь подтачивали авторитет устоявшихся, было метафизических воззрений. Достаточно вспомнить декартову концепцию "светоносного эфира" – всепроникающей среды, колебания которой проявляют себя как электромагнитные волны. Совсем свежий пример: благодаря развитию квантовой теории вновь обретает вес мировоззрение *холизма*, противопоставляющего себя ньютоновскому редукционизму.

Изложенные соображения побудили нас на конкретном примере проследить соотношения между "абсолютной", не зависящей от исследователя реальностью, и той "конструкцией", которую он в неё привносит. Нисколько не преувеличивая верифицирующий потенциал предлагаемого "кейса", мы, тем не менее, находим его, как минимум, небесполезным, во всяком случае – в дидактическом измерении.

Речь идёт о довольно известной картинке "Девушка или Старуха?", авторами которой считаются психологи Е. Г. Боринг и Р. В. Липер (рис. 1.).

Тем, кто с первого взгляда не увидел в изображении либо девушки, либо старухи, либо ни той, ни другой, спешим сказать, что они обе здесь присутствуют и, чуть приглядевшись, вы непременно сумеете их различить. Правда, не обеих сразу, а поодиночке: либо девушку, либо старуху.

Осведомлённость, что этих видимых реальностей *две* даёт серьёзные основания предположить, что ни та, ни другая не являются подлинной, а суть производные от некоей *скрытой* реальности. Впрочем, не такой уж скрытой: вспомним тех, кто поначалу не видел ни девушки, ни старухи, а лишь – достаточно хаотически расположенные чёрные пятна и линии. Вот этот "орнамент", возможно, и следует считать подлинной реальностью, а образы двух леди – всего лишь продукт, конструкт нашего сознания, который опирается на познания о фасоне капора старухи, горжетки девушки и т. п. Вспомним о голограмме – наборе штрихов и просветов, малоинформативных для построения узнаваемого образа, пока в дело не вступает реконструирующий луч – *когерентный* объектному и опорному. Очевидно, младенец, инопланетянин или обитатель дебрей Амазонки не смогут разглядеть ни девушки, ни старухи: у них нет инструмента, аналогичного реконструирующему голограмму когерентному лучу – тезауруса в части женских одеяний конца XIX в. Они будут всегда видеть только пятна и штрихи в убеждении, что этот узор и есть подлинная и единственная реальность. Они – *культурно некогерентны* картинке, её авторам, которые, конечно же, наносили штрихи и пятна не наобум, а опираясь на свой культурный тезаурус.

Попытаемся теперь представить себя на месте зрителя, увидевшего первой старуху. Очевидно, что он уже не сумеет впредь отрешиться от этого образа – не сможет, глядя на "орнамент", не видеть старуху. Можно с достаточной уверенностью предположить: коль скоро некто X увидел старуху, он её и будет отныне почитать за *реальность*. Притом – единственную, ибо мотивов и поводов искать в "орнаменте" иную у него нет. Очевидно, такие же рассуждения применимы и к зрителю Y, который, вглядываясь в "орнамент", первой высмотрел девушку.

Можно сказать, что сообщества X-подобных индивидуумов и Y-подобных будут существовать в двух параллельных царствах: старухи и девушки. В случае возникновения между ними общения можно спрогнозировать несколько сценариев их взаимоотношений:

1. Категорическое отрицание с обеих сторон самой возможности увидеть в "орнаменте" что-либо, кроме уже наблюдаемого.

2. То же – одной из сторон при различных позициях другой:

- Поиски форматов диалога;

- Поиски способов и попытки внедрить знание об альтернативном видении в общественное сознание другого царства;

- Стратегия давления на противника с целью (вслед за формальным взаимным признанием) создания иерархии "реальностей", предполагающей собственное главенство.

3. Взаимное признание права на существование отличной точки зрения (видения).

4. Взаимное признание иного восприятия "орнамента" и последующий диалог "на тему".

В случае реализации п. 4 можно предсказать, что главными в повестке "межкультурного" диалога станут вопросы, прописанные в приведённой в начале этого раздела цитате.

При всей кажущейся курьёзности предложенного "кейса" и отсутствия в нём мощного доказательного (в научном смысле) потенциала нам представляется, что его рассмотрение способно инициировать ряд содержательных направлений для дальнейших изысканий. В частности, – подробного рассмотрения соотношения "целого" и "частей" в приведённой картинке и ожидаемого вытекающего из него обобщения понятий спутанности, когерентности и скрытого порядка на "нефизическую" область знаний.

В то же время, с учётом сказанного выше о соотношении научного и метанаучного нельзя исключить, что подходы, проистекающие из гуманитарной сферы, в частности, сосредоточенные на проблеме "целое – части" в ТМО, могут оказать плодотворное воздействие на развитие других наук, в том числе – естественных.

Заключение

Отталкиваясь от явления оптической голографии, мы попытались обсудить онтологическую проблему "целое–части" применительно к теории меж-

дународных отношений. Главное, к чему подвигает такой подход, это переосмысление взаимозависимости "целого" и его "частей" на фоне устоявшегося, в том числе и в ТМО, взгляда, когда "целое" может быть представлено в виде фиксированной совокупности "частей", каждая из которых строго очерчена в пространстве и автономна в своих свойствах. Соответственно, свойства "целого" однозначно выводятся из свойств "частей", коль скоро нам известны законы, по которым они взаимодействуют между собой. Феномен голографии нарушает универсальность такой точки зрения, что, в свою очередь, заставляет в ряде случаев скорректировать сами понятия как "целого", так и его "частей".

Устоявшийся в ТМО взгляд, подразумевающий под "целым" совокупность "частей" – суверенных государств, подвергается в последнее время всё углубляющимся сомнениям. Главное среди них – сомнение в полноте такого "целого", не включающего иных, негосударственных составляющих (неявных частей), влияние которых всё заметнее проявляется в международных отношениях.

Конечно, обнаружение какого-либо количества таких "неявных частей" и доказательное обоснование их присутствия и заметной роли в наблюдаемой картине "целого" ещё не будет означать *полноты* этого "целого". Как и полноты понимания обратного, нисходящего действия "целого" на свойства образующих его "частей". Напротив, успешное отыскание ряда прежде не учитываемых составляющих должно лишь укрепить стремление продолжить поиск. Приводимые нами "кейсы" этнического и религиозного компонентов в современных политических процессах могут обозначить возможные направления такого поиска "неявных частей" пока ещё скрытого "целого" международных отношений.

В то же время упомянутые кейсы наталкивают на мысль, что такому "целому" имманентно присуща непреодолимая до конца "скрытость", раскрываемая тем или иным наблюдателем и / или способом лишь частично – в меру оснащённости определенным культурным тезаурусом и в зависимости от ракурса наблюдения. Подобные соображения, в свою очередь, обозначают настоятельную необходимость межкультурного диалога и его ключевой роли в сборке и постижении "целого", по-видимому, принципиально недоступных отдельным субъектам международных отношений – в отсутствие диалога.

Литература / References

1. Алексеев В. Сотрудничество Югры и Венгрии выходит на новый уровень. // Новости Югры. URL: https://ugra-news.ru/article/sotrudnichestvo_yugry_i_vengrii_vykhodit_na_novyy_uroven/ (дата обращения: 06.02.2019).
Alekseev V. Cooperation between Ugra and Hungary reaches a new level. // Ugra-news.ru. URL: https://ugra-news.ru/article/sotrudnichestvo_yugry_i_vengrii_vykhodit_na_novyy_uroven/ (accessed 06.02.2019). (In Russ.).
2. Алексеева Т. А. Теория международных отношений как политическая философия и наука / Учеб. пособие для вузов. М.: Издательство "Аспект Пресс", 2019. 608 с.
Alekseeva T. A. Theory of international relations as a political philosophy and science / Textbook for universities. M.: Publishing house "Aspect Press", 2019. 608 p. (In Russ.).
3. Алексеева Т. А., Минеев А. П. Натурализм и политическая наука: адаптация к неклассической картине мира // Право и управление. XXI век. 2020. Т. 16. № 1 (54). С. 14–27.
<https://doi.org/10.24833/2073-8420-2020-1-54-14-27>
Alekseeva T. A., Mineyev A. P. Naturalism and political science: adaptation to the non-classical world picture // Law and management. XXI century. 2020. Vol. 16. № 1 (54). P. 14–27.
<https://doi.org/10.24833/2073-8420-2020-1-54-14-27> (In Russ.).
4. Алексеева Т. А., Минеев А. П., Лошкарёв И. Д. "Земля смятения": квантовая теория в международных отношениях? // Вестник МГИМО-Университета. 2016. №3 (48). С. 13–14.
Alekseeva T. A., Mineyev A. P., Loshkaryov I. D. "Land of Confusion": Quantum Theory in International Relations? // Bulletin of MGIMO-University. 2016. №3 (48). P. 13–14. (In Russ.).
5. Алексеева Т. А., Минеев А. П., Лошкарёв И. Д., Ананьев Б. И. "Квантовый подход" к международным отношениям / Отв. ред. Т. А. Алексеева. М.: АНО "Редакция журнала "Знание–сила", 2018. 110 с.
Alekseeva T. A., Mineyev A. P., Loshkaryov I. D., Ananyev B. I. "Quantum approach" to international relations" / Edited by T. A. Alekseeva. Moscow: Publishing house "Editorial Board of the journal Znanie – sila", 2018. 110 p. (In Russ.).

6. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism / Transl. from English by V. G. Nikolaev. Moscow: Kuchkovo Pole, 2016. 416 p. (In Russ.).
7. Орбан ответил Киеву и Бухаресту на критику его фанатского шарфа // Вести. URL: <https://www.vesti.ru/article/3055652> (дата обращения: 22.11.2022).
Orban responded to Kyiv and Bucharest criticism of his fan scarf // Vesti. URL: <https://www.vesti.ru/article/3055652> (accessed 22.11.2022). (In Russ.).
8. Черненко Е., Юсин М., Джорджевич А., Коробов П., Краснов А., Лукьянова О. Всё глубже в Мьянму // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3402410> (дата обращения: 04.09.2017).
Chernenko E., Yusin M., Jorgevich A., Korobov P., Krasnov A., Lukyanova O. Deeper into Myanmar. // Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3402410> (accessed 04.09.2017). (In Russian).
9. Bohm D. Wholeness and the Implicate Order. London: Routledge and Kegan Paul, 1980. 304 p.
10. Bohm D. Time, the Implicate Order and Pre-Space / Physics and the Ultimate Significance of Time, ed. D. R. Griffen. N.Y.: SUNY Press, 1986. P. 172–208.
11. Bohm D., Hiley B. The Undivided Universe: An Ontological Interpretation of Quantum Theory. London: Routledge, 1993. 397 p.
12. Derian J. der, Wendt A. "Quantizing international relations": the case for Dialogue, 2020. Online First. P. 1–15. <https://doi.org/10.1177/0967010620901905>
13. Gabor D. A new microscopic principle // Nature. 1948. Vol. 161. P. 777–778.
14. Hiley B. Process and the Implicate Order: their relevance to Quantum Theory and Mind. URL: https://www.researchgate.net/profile/B-Hiley/publication/228588700_Process_and_the_Implicate_Order_their_relevance_to_Quantum_Theory_and_Mind/links/0deec52c7473eb0958000000/Process-and-the-Implicate-Order-their-relevance-to-Quantum-Theory-and-Mind.pdf (accessed 03.01.2014).
15. Pan Chengxin. Enfolding wholes in parts: quantum holography and International Relations // European Journal of International Relations. 2020. Vol. 26 (S1). P. 14–38.
<https://doi.org/10.1177/1354066120938844>
16. Quantum International Relations: A Human Science for World Politics // Ed. by J. der Derian, A. Wendt. Oxford: Oxford University Press, 2022. 416 p.
17. Seager W. The philosophical and scientific metaphysics of David Bohm // Entropy. 2018. Vol. 20 (493). P. 1–13. <https://doi.org/10.3390/e20070493>
18. Wendt A. Quantum Mind and Social Science: Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 354 p.

Информация об авторах

Татьяна Александровна Алексеева, д-р полит. наук, заведующий кафедрой политической теории Московского государственного института международных отношений (университета), Москва, Россия, e-mail: ataleks@mail.ru
Александр Петрович Минеев, канд. физ.-мат. наук, преподаватель кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений (университета), Москва, Россия, e-mail: mineyev@list.ru

Information about the authors

Tatyana A. Alekseeva, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Political Theory, Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, e-mail: ataleks@mail.ru

Alexander P. Mineyev, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Lecturer, Department of Political Theory, Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, e-mail: mineyev@list.ru

Поступила в редакцию 07.11.2025

Одобрена после рецензирования 19.05.2025

Принята к публикации 26.05.2025

Received 07.11.2025

Approved 19.05.2025

Accepted 26.05.2025